

Эта несносная няня

Автор:

[Тереза Карпентер](#)

Эта несносная няня

Тереза Карпентер

Любовный роман – Harlequin #6

Разыскивается: спокойная, уравновешенная, умная, работоспособная, дисциплинированная... няня для ухода за маленьким ребенком. Желателен опыт работы с упрямыми отцами-одиночками.

Тереза Карпентер

Эта несносная няня

Глава 1

Сейчас все решится.

Николь Родес подошла к дому, еще раз осмотрела свой костюм и решила, что вид у нее вполне деловой и профессиональный. Ни одно из этих определений не вызывало у нее положительных эмоций. Ей больше нравилось совсем другое.

Но это первое предложение за долгое время. Проклятое сокращение госбюджета! Теперь ей, как и тысячам других воспитательниц, приходится искать новую работу.

Николь изобразила на лице улыбку и постучала в дверь.

Надо как можно скорее найти работу и жилье. Это место няни даст и то и другое и, кроме того, возможность быть рядом с беременной сестрой Амандой.

Дверь отворилась, и на пороге появился полуголый мужчина. Ой, мамочки!

Ее охватил жар, когда она увидела мощный брюшной пресс, мускулистую, загорелую, в черных волосах грудь, крепкую шею и голову, в данный момент закрытую серой майкой.

– Привет, Расс, – послышался низкий голос из-под майки. – Спасибо, что быстро приехал. Я тут пытался немного прибраться перед появлением этой няньки, и у меня осталось всего десять минут, чтобы принять душ.

Прежде чем Николь успела ответить, хозяин дома стащил майку с головы. На худощавом, с резкими чертами лице шерифа Трейса Оливера отразились одна за другой тысячи эмоций. В его зеленых, как изумруд, глазах мелькнули удивление, раздражение и, наконец, покорность судьбе.

– Я думал, это Расс.

Девушка покачала головой, мельком пожалела, что не закрутила свои длинные черные волосы в пучок, улыбнулась и, изо всех сил стараясь не замечать красивую полуобнаженную фигуру, протянула руку и представилась:

– Ники Родес, потенциальная няня. А кто такой Расс?

– Парнишка время от времени помогает мне. Вы явились раньше времени, – бросил он резко, беря ее руку в свою и очень внимательно осматривая девушку с ног до головы. Неисправимая оптимистка, Ники решила воспринять его слова не как упрек, а как констатацию факта.

– Да. Мне кажется, это неплохая привычка.

Просто из самозащиты она отвела взгляд и уставилась на свою руку, которая все еще находилась в сильной руке Трейса.

– Не всегда, – ответил он с кривой усмешкой и указал на свои трусы и голую грудь.

О, мужчины! А она так старалась ничего не заметить! Ники не хотела смотреть на отца своего воспитанника с сексуальной точки зрения. Это могло привести к нежелательным осложнениям. И потом, это условие прямо прописано в ее контракте с агентством.

– Учту на будущее, – сказала она, откашлявшись, и кивнула в сторону своей машины. – Может быть, мне подождать там, пока вы принимаете душ?

– Что? Нет. – Трейс шагнул назад, увлекая ее в дом. – Пожалуйста, проходите. – Он хмуро посмотрел на руку девушки, словно удивляясь, что продолжает ее держать, и резко отпустил. – Я переживу.

Ники вошла вслед за ним, оглядела гостиную, маленькую кухню-столовую и недоуменно спросила себя: что он мог тут «прибирать» перед ее приходом? Везде идеальный порядок. Немногочисленная мебель – массивная, современная, в сине-серых тонах, без украшений. И ни намека на то, что в доме живет ребенок. Скорее, здесь царит казарменный дух.

Один взгляд на этот интерьер, где «все на положенном месте», сказал Ники, что Трейс привык все держать под своим контролем. Она жила когда-то в такой обстановке и не хотела в нее возвращаться. Вот и причина поскорее завершить собеседование и уехать. Но мысль об Аманде удержала ее.

– Садитесь, – сказал Трейс. – А я схожу за чистой рубашкой.

«О да, пожалуйста, прикрой эту великолепную загорелую грудь!»

– Ну, девочка, ты попала в хорошую переделку! – тихо пробормотала Ники, глядя, как он исчезает в коридоре.

Негоже так смотреть на своего потенциального нанимателя. К тому же ей необходимо это место.

Три месяца назад она сдала свою квартиру и перебралась к сестре, муж которой ушел в то время в плавание, надеясь накопить на взнос за дешевенькое жилье в многоквартирном доме. Ники казалось, что она прекрасно рассчитала время: она побудет с сестрой, поможет ей подготовиться к рождению первого ребенка, а потом переедет к себе – еще до того, как появится муж.

Однако зять вернулся на две недели раньше срока. Да уж, прекрасно рассчитала! Ники чувствовала себя третьей лишней в крошечном двухкомнатном домике Аманды, но сестра и слышать не хотела о том, что она съедет прежде, чем устроится на работу.

Ники получила прекрасные рекомендации и не сомневалась, что работу найдет. Однако она ошибалась. К тому же это место – единственное в Парадиз-Пайнз, а ей надо сейчас быть поближе к сестре.

И дело не только в этом. С тех пор как Ники уехала учиться в колледж и познала ощущение свободы, которого не ведала дома, она стремилась идти навстречу жизни, а не прятаться от нее.

Однако осторожность тоже не помешает. Она очень привязчива. Отчасти именно по этой причине девушка стала работать с маленькими детьми. Ребятишкам нужна была ее нежность, и отвечали они искренней любовью. Им можно было доверить свое чуткое сердце.

А вот шериф Оливер не выглядел человеком, которому известно значение слова «нежность». Он казался воплощением аккуратности, контроля и режима. Ники готова была поспорить, что его любимые слова – порядок и дисциплина.

Дисциплина и порядок важны, но еще необходимы гибкость и творческое начало. Малышу требуется простор, чтобы расти, устраивать беспорядок и совершать ошибки, на которых он сможет учиться.

Да, в этом доме придется постоянно пробивать лбом стену, потому что она будет добиваться того, что сочтет лучшим для ребенка. Возможно, ей будет слишком тяжело, потому что ситуация тут слишком уж похожа на ту, что была в ее детстве.

Когда шериф Оливер вернулся, на нем были синие джинсы и удивительно гармонировавшая с цветом его глаз темно-зеленая рубашка. Эти глаза теперь смотрели холоднее, чем раньше.

Трейс вернул на место личину непроницаемости, которую носил с такой легкостью, что Ники сразу стало понятно: именно в ней он и являлся миру. И спадает эта личина только в редкие моменты растерянности, такие, например, как ее неожиданное появление.

– Агентство представило вас как воспитательницу детского сада, – начал он, устраиваясь рядом с софой, на которой сидела девушка. – Вам известно, что вы должны будете жить в моем доме?

Перешли к делу. Хорошо. Может быть, собеседование все-таки состоится?

– Да. Я стала жертвой недавнего урезания бюджета. – Ники пожала плечами, желая показать ему, да и себе, что потеря работы – просто маленькая колдобинка на ее жизненном пути. – Но раньше я работала няней, чтобы оплачивать обучение в колледже.

– Вы совмещали уход за детьми с учебой? Интересно. Большинство матерей даже не пытаются это делать.

– Я сидела с детьми днем, а училась в основном по вечерам. Наниматели знали, что я учусь, и считались с моим расписанием. И все получилось.

– С детьми какого возраста вы работали?

– Когда я начинала, одному было два года, другому – четыре.

Трейс взглянул на лист бумаги на столе. Это была копия ее резюме.

– Вы проработали в этой семье два с половиной года. Почему же ушли?

– Мои родители попали в аварию и погибли. – Теперь Ники могла произносить эти слова почти спокойно. – Моя сестра нуждалась во мне. Она училась в выпускном классе. Я взяла академический отпуск на один семестр, чтобы помочь

ей закончить школу.

– Вам, видимо, пришлось нелегко, – сказал он хрипло, и она вспомнила, что его жена погибла в аварии год назад.

– Мы держались вместе. Это нам помогало.

И все-таки это был самый трудный год в ее жизни.

– Хорошо. – Он откашлялся. – Значит, вы никогда не ухаживали за младенцами?

– За годовалыми – никогда. Но я уверена, что справлюсь. Я – профессионал и люблю малышей. Знаете, моя сестра ждет ребенка, так что через шесть недель я впервые стану тетей.

На его лице не отразилось никаких эмоций по поводу предстоящего появления на свет нового человечка. Люди, как правило, по-разному реагируют на подобные сообщения – кто бурно, кто вяло. И Ники задумалась над тем, каково же отношение шерифа к сынишке и почему он только сейчас взял на себя заботу о мальчике. В агентстве ей сообщили, что Трейс Оливер – вдовец, что ребенок выжил в катастрофе, в которой погибла его мать, и что за ним до последнего времени ухаживала теща Трейса.

– Почему вы лишь недавно начали заботиться о сыне? – прямо спросила девушка. Темная бровь Трейса недоуменно приподнялась. Она улыбнулась и пожала плечами: – Я верю в откровенность. Так проще.

Ники, улыбаясь, ждала. Пусть думает о ней что хочет. Ей нужна информация, а за вопросом обычно следует ответ.

Ответ прозвучал после долгого молчания:

– Тесть и теща помогали мне, пока я устраивался на новом месте.

И это заняло целый год?! Нет, причина явно не только в переезде. Впрочем, неудивительно. Полицейский и новорожденный младенец вряд ли образуют гармоничную пару. Кроме того, что-то в его голосе сказало Ники, что он не

вполне доволен таким положением дел. Она логично предположила:

– Вероятно, для них стало утешением заниматься внуком после того, как они потеряли дочь.

Трейс откинулся на спинку стула, скрестил руки на широкой груди и с подозрением посмотрел на нее:

– Многие считали, что я использовал стариков. Хотя, вообще говоря, это никого не касается.

Он занял оборонительную позицию. Возможно, «многие» были не совсем не правы. Но Ники услышала и голос раненой гордости. За пять лет педагогической деятельности она научилась понимать людей – и больших, и маленьких. Для человека столь волевого, считающего верность долгу смыслом жизни, брошенная на его честь тень могла стать источником мучений.

– Конечно, – согласилась она. И тут же сочувственно продолжила: – Смерть близких всегда тяжела. Но я по опыту знаю, что, если уж бабушка получит внука, отобрать его у нее очень трудно.

Трейс откинул голову назад и рассмеялся, что случалось с ним крайне редко.

– Вы очень проницательны, – заметил он, проводя рукой по лицу, чтобы успокоиться. Он оценил непосредственность и прямоту Ники. А вот сочувствие принять сложнее.

– Не судите себя слишком строго, – сказала она серьезно. – Не так просто совмещать уход за новорожденным с обязанностями шерифа.

– Тогда я не был шерифом. Я занял должность девять месяцев назад, а до этого являлся сотрудником специальной международной группы по расследованию убийств.

– Звучит серьезно.

– Это и было серьезно. И как вы справедливо заметили, трудно совместимо с присмотром за новорожденным. Теща предложила помочь, взять на себя заботу о Кармайкле. Я был ей благодарен. Но примерно неделю назад с ней случился удар, и тесть увез ее в Мичиган. Там женщине обеспечен должный уход, поддержка семьи. А мы с сыном остались вдвоем.

Трейс растерялся. Он не понимал, почему испытывает потребность объяснять незнакомой девушке то, чем обычно ни с кем не делился. Может быть, ему легко было говорить, потому что он видел понимание в ее умных глазах странного янтарного цвета. Или ее непосредственность задела в нем какую-то живую струнку. Как бы то ни было, с этим пора кончать.

– Кармайкл? – повторила Ники. – Я думала, малыша зовут Майкл.

– Нет, Кармайкл. Это родовое имя в семье моей тещи.

– Агентство представило его как Майкла.

– Значит, они ошиблись. – Трейс ненавидел это имя, но ради жены согласился назвать так своего ребенка. Наверное, они сократили бы его, если бы она была жива. Но она умерла... – Это выбор его матери.

– Ну что ж, преемственность – добрая семейная традиция. – Ники изо всех сил старалась говорить спокойно. Однако он видел, чего ей это стоило.

– Но вам имя не нравится?

Девушка пожала плечами и улыбнулась.

– Это слишком длинное имя для такого маленького ребенка, – сказала она вдруг. – Дети должны сперва научиться ходить, потом бегать. И не только в физическом смысле. Психика малышей тоже должна расти и развиваться, как и тело.

Сколько энтузиазма по отношению к его сыну! А ведь она даже не видела малыша. Именно этого любой отец ждет от няни.

– Согласен.

– Постарайтесь, чтобы на ваши решения не влияло чувство вины.

Эти слова подействовали на Трейса как удар в солнечное сплетение. Так-то она платит за откровенность?!

– Что вы хотите этим сказать?

– Это называется «чувство вины выжившего». Из-за него разумные люди совершают неразумные поступки. Вы думаете, что отдаете дань памяти жены, потому что ее нет здесь, потому что она не может сама растить Кармайкла. Но на самом деле она бы хотела, чтобы вы просто любили его и сделали для него все, что можете.

– Любя ребенка, отдаешь дань уважения его матери?

– Да. Все очень просто.

– Возможно, ваша жизнь и была простой, мисс Родес, но вы ничего не знаете о моей. Не воображайте, будто понимаете мотивы моих поступков. – Он услышал, что голос его стал хриплым, и глубоко вздохнул. И все-таки нужно все поставить на свои места. – Главное лицо тут Кармайкл. Не пытайтесь заниматься анализом моей психики.

– Конечно. – Ники прикусила губу. – Извините меня. Я просто хотела помочь.

– Да-да. Став отцом, я понял одну вещь: ничего простого больше не будет. Жизнь превратилась в бесконечную череду сложностей.

Она кивнула:

– В семьях всегда все сложно. Семьи держатся на любви.

Боже праведный! Если это действительно так, его мир – одна сплошная неприятность. Но он отказался от размышлений о своих эмоциональных проблемах и вернулся к основному вопросу:

– Вы же никогда не работали с годовалыми младенцами?

– Совершенно верно. – Ники села поудобнее и вдруг резко сменила тему: – Насколько я знаю, вы беседовали с двумя кандидатками на прошлой неделе и обеим отказали. Чем они вас не устроили?

Трейс нахмурился:

– Первая была не способна соблюдать расписание. Девицу слишком волновали ее свободное время и расстояние до Сан-Диего. Вторая путем проб и ошибок выработала собственные методы воспитания и сразу заявила мне, что будет работать или так, или никак. Я предпочел «никак».

– Ну и правильно.

Ее одобрение солнечным лучиком согрело его. На душе у него стало спокойно. Она – хорошенькая девушка с правильными чертами лица, пухлыми губками и кремовой кожей, но по-настоящему привлекательна в ней ее живость. Энергия ощущалась в ее постоянной улыбке, в удивительных янтарного цвета глазах. Она наполняла комнату светом, даже просто сидя на этой серовато-синей софе.

Вот она перекинула через плечо прядь черных волос. Вот она слегка нахмурилась, между тонкими бровями появилась складка.

– Мисс Родес, я больше года не занимался собственным сыном. Но с этим покончено. Теперь я за него отвечаю, и я буду решать, что для него лучше.

Кстати, болтовня с воспитательницей детского сада, какой бы живой и веселой она ни была, не помогает делу.

Годится ли она в няни его сыну?

На первый взгляд она кажется слишком молодой, слишком неопытной. Но, чтобы менять подгузники, диплом не нужен. А Трейсу требуется человек, имеющий опыт общения с детьми, способный понять, поднялась у ребенка температура потому, что у него режется зуб, или потому, что он заболел. Впрочем, этому он сам обучился на прошлой неделе...

– Мисс Родес...

– Пожалуйста, – перебила она, – зовите меня Ники.

– Мисс Родес. – Так лучше. Необходимо подчеркнуть официальность отношений. – Когда вы сможете приступить к работе?

Глава 2

– Когда вы сможете приступить к работе?

Едва Трейс произнес эти слова, как зазвонил сотовый телефон. И одновременно со стороны коридора послышался детский крик. Трейс потянулся к телефону.

– Извините. Я должен ответить. Вы не могли бы подойти к ребенку?

– Конечно.

Ники вскочила на ноги и одернула кофточку. У нее есть работа!

И дело не в том, что ее прельщает общение с упрямым, который хочет все держать под своим контролем, а в том, что она сможет быть рядом с Амандой. Ей просто не терпелось сообщить об этом сестре.

– Где его комната?

– Последняя дверь направо.

Ники потребовалось это уточнение, потому что ребенок больше не кричал. Странно. Опыт подсказывал ей, что, когда дети требуют внимания, они, наоборот, кричат громче.

Девушка распахнула полуоткрытую дверь и заглянула в комнату. Там стояли только детская кроватка и скомбинированный с комодом столик для пеленания. Стены белые, простыни и одеяльце – серо-голубые. И почти нет игрушек.

В кроватке спокойно сидел мальчик с темно-каштановыми волосами и строгим взглядом.

Сердце Ники сжалось. Она никогда не видела таких грустных детей. Бедный малыш! Он, наверное, очень скучает по бабушке!

– Привет, Кармайкл! – тихо сказала она, подходя к кроватке. – Меня зовут Ники.

Девушка улыбнулась и положила руки на перильца кроватки, чтобы немного поболтать с малышом, прежде чем взять его на руки. А он смотрел на нее этими строгими глазами, зелеными, как у отца, и не тянулся к ней, но и не отстранялся.

– Кармайкл – очень длинное имя для такого малыша. Когда-нибудь ты до него дорастешь. – Она осторожно протянула руку и дотронулась до его носика. – А пока ты больше похож на Микки. – Уголки его губ приподнялись в робкой улыбке. Ники, довольная результатом, продолжила: – Тебе нравится, да? Ты хочешь быть Микки? Мне тоже так больше нравится. – И она опять чуть надавила на носик.

Мальчик подполз ближе и встал, держась за перильца. Но тут же снова смутился и робко посмотрел на нее. А она продолжала улыбаться, показывая, что ему не надо бояться.

И терпение ее было вознаграждено: малыш вдруг протянул ручонку и дотронулся до ее носа.

– О! – воскликнула Ники. – Ты сморщил мой нос! – Он засмеялся и опять надавил на кончик ее носа. – Смотри-ка, ты опять поймал мой нос! Теперь я тебе отплачу! – И она осторожно потрепала носик малыша. Мальчик снова засмеялся.

От этого веселого звука сердце Ники наполнилось торжеством. Она смогла рассмешить его! Бедному малышу нужно немного радости в жизни – при таком-

то отце, который готов контролировать каждое его движение. Ники не скрывала, что слишком строгие родители действуют ей на нервы. Если условия здесь окажутся не вполне приемлемыми для нее, она, может быть, откажется от этого места. Ей бы не очень хотелось работать на деспотичного человека.

Микки протянул ручонки, прося взять его на руки. Вот почему ей стоит остаться. Ради одной улыбки малыша можно пойти на жертвы.

Она подняла его. Он тут же обнял ее за шею и положил головку ей на плечо. Ком встал у нее в горле. Может ли что-нибудь растрогать человека сильнее, чем доверие теплого крохотного существа, устроившегося у вас на руках?

Она обернулась, увидела стоящего в дверях Трейса, взглянула поверх ребенка в его зеленые глаза. Искорка, мелькнувшая в этой изумрудной пропасти, сказала ей, что он слышал смех Микки.

– А вы мне нравитесь, – сказал Трейс, не двигаясь с места и пристально глядя на малыша у нее на руках. – Так вот. Звонил диспетчер. Меня вызывают на место происшествия. Можете вы приступить к работе прямо сейчас? Я пробовал связаться с Рассом, но безуспешно. Так что мне нужна няня.

Когда он перевел взгляд на нее, его лицо опять выражало только безразличие. На какую-то секунду шериф Оливер расслабился, но только на секунду.

– Конечно, я присмотрю за ним. Как скоро вы вернетесь?

Микки сидел у нее на руках и смотрел так, будто понимал, о чем они говорят. Не слова, конечно, а тон. Возможно, он чувствовал некую наэлектризованность воздуха. Она устроила малыша поудобнее.

– Не знаю. Возможно, не скоро. – Лицо Трейса осталось непроницаемым.

– Хорошо. Я позвоню сестре и предупрежу, что буду поздно.

Трейс коротко кивнул:

– Хорошо. Мне надо переодеться и показать вам, где что лежит.

– Я переменю Мик... Кармайклу памперс и буду ждать вас в гостиной.

Трейс кивнул и исчез в коридоре.

Ники положила Микки на столик. Мальчик лежал тихо, не шевелясь, и только смотрел на нее. И от этой его апатичности у девушки сжалось сердце. Она болтала с малышом. Он, казалось, впитывал каждое слово, но никакой инициативы не проявлял.

Ники подозревала, что бабушка – от любви и от горя – чрезмерно опекала мальчика, а его отец, человек, привыкший к порядку и дисциплине, резко повернул в другую сторону, причем зашел слишком далеко. Так что в конце концов и смех, и непосредственность стали чужды бедному малышу.

Как только Микки засмеялся, она поняла, что нужна ему и что ей надо найти общий язык с его отцом. Микки должен радоваться жизни, делать открытия, быть активным, искать приключения. Ники научилась всему этому и хотела поделиться своим умением с ним.

– Ты отправилась на собеседование и тут же приступила к работе? – Ехидная реакция сестры на сообщение о том, где и как Ники проведет вечер, подчеркивала парадоксальность ситуации.

– Вот именно. И это в Парадиз-Пайнз, так что я буду поблизости, но жить надо тут, так что я могу от тебя съехать. Это просто идеально для нас сейчас. – Ники поудобнее устроилась на софе, зажав телефон между плечом и ухом, Микки сидел у нее на коленях. – А сам мальчик – очень милый и очень грустный. Я уверена, он скучает по бабушке и дедушке, но, похоже, его подавленность скорее постоянная, чем временная. Он потерял маму. Возможно, он вообще не знает, что такое радость.

– Ох, Ники, все это мне не нравится. Не стоит тебе уезжать от нас.

– Ты очень любезна, но мы обе понимаем, что надо. Вы с Дэном должны сейчас пожить вдвоем. Кроме того, я педагог, и моя обязанность – заниматься ребенком, которому нужна помощь.

Аманда многозначительно помолчала, потом глубоко вздохнула:

– Ники, ты представляешь себе, на что идешь?

– Не очень. – И тем не менее печальные глазки Микки пробудили в ней инстинкт опекуна. – Аманда, ему год и месяц, а он еще не умеет ходить. – Ники провела рукой по темно-каштановым кудрям, мягким и нежным, как пух. Микки грустно посмотрел на девушку, и у нее дрогнуло сердце. – Он даже не пытается встать на ножки, когда я опускаю его на пол. Похоже, бабушка постоянно носила малыша на руках.

– Но со всеми этими проблемами должен разбираться его отец, не так ли?

– Вот именно. А Трейс – новичок в этом деле. Я даже не уверена, что он понимает, что тут есть проблемы. Знаешь, он даже может испортить дело. Он – поборник режима и дисциплины, Микки ведет себя смирно. Значит, с точки зрения его отца, все в порядке.

– Но что можешь сделать ты? – задала Аманда разумный вопрос.

– Трейс Оливер – хороший шериф, то есть человек исполнительный и честный. Не сомневаюсь, он хочет Микки добра, но не знает, что и как надо делать. А я его научу.

– Ха! – воскликнула сестра. – Ты что, забыла? Я должна родить через полтора месяца, а за предшествующие семь прочитала все, что могла, о том, как надо растить детей. И вот что я тебе скажу: есть тысячи «правильных способов воспитания». Сколько авторов – столько способов. И каждый думает, что его способ – единственно верный.

– Да. – Ники улыбнулась. Ее сестра всегда хотела знать заранее, что ей предстоит. В этом смысле она пошла в маму. – Но ведь это моя профессия. Я способна помочь Трейсу и Микки.

– Я в этом не сомневаюсь. Я не видела никого, кто умел бы обращаться с детьми лучше тебя. Ты их любишь, и они это чувствуют. Но в том-то и проблема. – Беспокойство сестры возрастало. – Ты слишком им отдаешься. Смотри, как бы не

пришлось потом плакать.

– Значит, по-твоему, мне не стоит этого делать?

Очередной вздох.

– Ты замучаешь себя, если не сделаешь, но, боюсь, тебе будет больно.

Да. Это тревожило и саму Ники. Но в свой восемнадцатый день рождения она дала себе слово, что не будет бояться возможных эмоциональных потрясений. Она отдалась жизни сердцем и душой. Это означало, что иногда придется терпеть и боль. Зато ее жизнь будет полна глубоких переживаний и потрясающих воспоминаний.

– Жизнь состоит не из одних роз. Встречаются и шипы.

– Ники, – мягко проговорила Аманда. – Ты не думаешь, что все это – отголоски твоих отношений с мамой?

Этот вопрос пробудил в ней чувство боли и раскаяния. То, что перед смертью матери их отношения были, мягко говоря, не идеальны, являлось для Ники источником постоянных мучений. Она ненавидела себя за то, что они поссорились при последнем разговоре.

– Не могу отрицать. Но прошу, пойми, к тому моменту, когда для Микки наступит пора самостоятельности, он может оказаться совершенно безвольным. И если малыша уже сейчас не направить по верному пути, у него не останется ни капли надежды...

– Противостоять отцу?

– Нет. Пожалуйста, не истолковывай мои слова превратно. – А может быть, на самом деле она имела в виду именно это? Ники покачала головой. Трудно сказать. Она провела слишком мало времени и с тем и с другим. – Я твердо знаю следующее: если я смогу сейчас сделать так, чтобы отец и сын обрели друг друга, у них появится фундамент, на котором они построят свои отношения, когда наступит трудный подростковый период.

Аманда еще раз выразила свое беспокойство и повесила трубку. Ники понимала сомнения сестры. Она защищала Трейса перед Амандой, а он, уходя, не только не приласкал малыша, но даже не посмотрел на него. И это обожгло сердце Ники. Она должна найти какой-то способ сблизить отца с сыном, научить их любить друг друга.

Два месяца. Она отвела себе лето на то, чтобы изменить ситуацию.

Микки робко погладил ее волосы. Девушка вздохнула и обняла малыша. У нее появилось дрянное предчувствие, что этим летом она потеряет частицу своего сердца.

* * *

Трейс подъехал к дому гораздо позднее, чем предполагал, и вдруг на душе у него потеплело оттого, что в окне горел свет. Да, ему не хватало этого ощущения возвращения домой.

Мысль о мисс Родес, которая ждала его, вдруг пробудила в нем жар совсем иного сорта. Но он быстро подавил это недозволенное ощущение и вышел из машины. Мисс Родес настолько недоступна, что даже мимолетная мысль о близости с ней абсолютно неуместна.

Теплый ночной ветерок, напоенный ароматом сосен, растрепал его волосы. Трейс отпер дверь, вошел в комнату – и запах сосен уступил место запаху жареного цыпленка. Желудок немедленно напомнил ему, сколько часов прошло с тех пор, как он ел в последний раз. Трейс подошел к стойке, отделявшей кухню от столовой, положил ключи в вазочку, где они всегда лежали, и нашел записку, извещавшую его, что ужин в микроволновке.

Она приготовила ему ужин!

Трейс заглянул в печь. Цыпленок, рис и овощное рагу. Выглядит великолепно! И опять он ощутил странную теплоту. И выругался.

«Черт возьми, парень, не будь дураком! Ты что, размяк в свои почти тридцать пять лет?» Как могли домашний ужин и няня настолько выбить его из колеи? У

него есть сын, которого надо растить. И он будет делать это так, как делает все вообще – методично, с помощью контроля и дисциплины. Но тогда тем более непонятно, почему он нанял мисс Родес? Она, в своих коротких брючках, нарядных босоножках и обтягивающей кофточке, выглядела так, словно пришла не на собеседование по поводу работы, а на пикник в парке.

Но она заставила Кармайкла смеяться.

Трейс отправил в рот кусок цыпленка, подошел к софе и стал смотреть на Микки, спавшего у Ники на руках...

На шоссе столкнулись четыре машины. Ему и его людям пришлось обеспечивать и движение транспорта, и помощь пострадавшим. Оформление всех протоколов заняло не один час.

Трейс привык к потерям. Его жена погибла в катастрофе, очень похожей на ту, с которой он разбирался сегодня, а мать просто уехала – бросила их с отцом, когда ему было десять лет. Отец умер за два года до его женитьбы на Донне.

Да, папа и мама... Папа никогда не проявлял своих чувств. Он показал Трейсу, что значат честность и честь, но хмурился при малейшем всплеске эмоций. Из-за этого-то мама в конце концов и оставила их. Она часто говорила, что Трейс такой же, как отец. А тот не умел любить.

Черт подери! Не надо было ему жениться на Донне. Но она этого хотела, он находил ее достаточно приятной в общении, и им было хорошо в постели. Трейс решил, что это лучший выход.

Конечно, она требовала от него больше, чем он мог дать. Они часто ссорились. Потом ей пришло в голову, что им нужен ребенок. Трейс вспоминал свое детство и возражал: он не сомневался, что поведет себя с сыном так же, как его отец с ним. Но Донна все-таки забеременела.

Сначала он рассердился, потом смирился. Она была так счастлива! Он решил, что жена, сосредоточившись на ребенке, оставит его в покое. Боже праведный! Она заслуживала лучшей доли. Он никогда, ни под каким видом не должен был на ней жениться...

И вот он стоит и смотрит сейчас на Ники Родес и сына. Глядя, как уютно они устроились вдвоем, Трейс позавидовал покою, отразившемуся на личике малыша.

Ее фарфоровая кожа кажется такой же нежной, как у ребенка. Ему захотелось прикоснуться к ней, убедиться в этом, но он поборол свое желание. Это не дело. Она его служащая, а потому недоступна. Нет, тут у него не будет проблем. Его телом управляет он, а не гормоны. И вообще Трейс редко делал что-либо незапланированное, не обдуманное заранее.

Ники заставила Кармайкла улыбнуться, даже засмеяться. Ради одного этого стоит потерпеть. Каким же он был бы отцом, если бы ставил свой комфорт выше потребностей ребенка?

Ники слишком свободолюбива. Он ценит ее непосредственность и честность, но непредсказуемость девушки может свести с ума. Его совершенно неожиданная откровенность во время их разговора продемонстрировала, как легко он может подпасть под влияние Ники.

Трейс не размякал и не таял, глядя на своего сына. В нем пробуждалось исключительно чувство долга. Он решил иметь ребенка и сделает для этого ребенка все, что может. Даже если он не в силах любить. Трейс Оливер выжил без любви. Выживет и его сын.

Глава 3

Хриплый со сна голосок произнес:

– Вы уже дома?

Трейс посмотрел вниз, в эти янтарные глаза, почувствовал, как по всему телу в очередной раз разливается тепло, и отвернулся.

– Да. Спасибо, что дождались. – Он посмотрел на свою пустую тарелку, убедился, что съел все до последнего кусочка, и поставил тарелку на стойку. – Дайте-ка я

отнесу Кармайкла в кроватку.

– Бедный малыш скучал без вас сегодня вечером. – Ники приподнялась осторожно, чтобы не разбудить Кармайкла. – Не хотел спать в своей кроватке. Боюсь, он расстроился из-за того, что его укладывал чужой человек.

– Дело не в вас, – мрачно уверил ее Трейс и взял сынишку на руки. – Он не спит спокойно с тех пор, как мы переехали сюда. Подождите. Я сейчас вернусь.

Он отнес свою невесомую ношу в детскую, аккуратно уложил малыша в кроватку, пристроил рядом с ним плюшевого жирафа и укрыл обоих мягким голубым одеяльцем. Ребенок зашевелился. Трейс подождал, пока он успокоится, потом вернулся в гостиную.

Теперь он благодарил Бога, что перестроил под жилое помещение гараж. По крайней мере, он и мисс Родес не будут спать под одной крышей. Трейс нарочно искал дом с пристройкой. И тому было несколько причин. Во-первых, надо беречь репутацию его и той женщины, которую он наймет, во-вторых, необходимо создать барьер между нанимателем и служащей, отводя в то же время обоим свой кусок пространства.

Ники на кухне мыла посуду после ужина. Вполне домашняя картина.

– Оставьте эти тарелки, – сказал Трейс. – Я сам займусь ими позже.

Она оглянулась через плечо и улыбнулась:

– Я уже все сделала. Мне не трудно.

Девушка открыла шкаф слева от раковины, поставила туда тарелки и вытерла руки посудным полотенцем.

– Нам надо поговорить, – начал он.

Она кивнула, повесила полотенце на край раковины и прошла в гостиную.

– Уже очень поздно. Дело, наверное, было серьезное.

– Очень. – Трейс заставил себя не думать об аварии, которая унесла две жизни. Представитель закона не может позволить себе переживания. – Но разговор не об этом.

– Конечно, – согласилась Ники. – Кармайкл – такой милый мальчик, но очень грустный. Вероятно, он тоскует по дедушке с бабушкой.

– Да, конечно. Они были с ним постоянно. Но теперь ему придется привыкнуть к их отсутствию.

– Он привыкнет, если ваша любовь заменит ему их.

Трейс нахмурился. Он не любил говорить о чувствах. Но речь идет о его сыне, поэтому надо сдерживаться.

– Хотя это займет некоторое время, – продолжала между тем девушка. – Особенно при таком изменчивом расписании, как ваше.

– Я делаю, что могу, – буркнул он.

– Вы уверены? – Она покраснела. – Извините меня. Я понимаю, что вы работаете не с десяти до пяти, но мальчику будет очень полезно, если папа сумеет выкроить днем час-другой, чтобы побыть с ним. Общаться с малышом лучше всего во время кормления, купания или укладывания в кроватку.

– Я понимаю важность режима.

Как это он вдруг оказался в положении защищающегося?

– Я в этом не сомневаюсь. И вы совсем недавно остались вдвоем. Я уверена, мы сможем выработать систему, приемлемую для всех троих.

– Сядьте, мисс Родес. Нам надо обсудить некоторые основные правила.

– Конечно, – сказала Ники довольно резко, и он понял, что она как воспитательница привыкла устанавливать правила, а не следовать им.

– Первое правило: никаких прикосновений. – Девушка непонимающе нахмурилась. – Вы привлекательная женщина, мисс Родес, – пояснил Трейс, – а я нормальный здоровый мужчина. Но наши отношения должны быть исключительно деловыми. Так что никаких прикосновений.

Она кивнула, соглашаясь:

– Это разумно. Что еще?

– Не надо готовить мне еду. Не возитесь у плиты и... не устраивайтесь подремать на софе.

– Возиться? – Девушка с явной обидой скрестила руки на груди. – Я должна готовить еду малышу и себе. И мне совсем не трудно сделать немного больше, чтобы хватило и вам. Если хотите знать, готовить для полутора человек сложнее, чем для троих, так что не учитывать вас – просто расточительство. Если вы не хотите, чтобы я оставляла разогретый ужин, – прекрасно. Я могу убирать его в холодильник. А что касается «подремать на софе» – вы сильно задержались, и я уснула. – Ники схватила детское одеяльце и стала его складывать. – Судя по сегодняшнему дню, – продолжила она уже гораздо более мирно, – такое будет повторяться. Как вы собираетесь решать эту проблему?

Хороший вопрос.

– Я поставлю в вашей комнате вторую детскую кроватку. Если захотите спать, уложите Кармайкла у себя, а я заберу его, когда вернусь.

– Это неудобно для малыша.

– Да... – Его взгляд скользнул от покрытых розовым лаком ногтей на ногах Ники к большим золотым кольцам в ее ушах. – Но я думаю, это лучший выход. Кроме того, мне хотелось бы, чтобы вы носили форму. Не обязательно строгую, но это должно быть сочетание черного и белого.

Ники прижала сложенное одеяльце к груди.

– Может быть, вы составите список своих правил, чтобы я ничего не забыла?

– Вернемся к этому завтра, – предложил Трейс, удивленный ее вызывающим тоном. – Уже поздно, и мы оба устали. Но запомните: я не игнорирую проблемы. Я считаю, что их надо решать, чтобы в дальнейшем не возникали новые.

– Видите ли, у меня иная философия. Некоторые проблемы требуют немедленного реагирования. Это факт. Однако другие, если не обращать на них внимания, решаются сами.

– Или кто-нибудь решит их за вас.

– Да, бывает, и это очень приятно. А иногда выясняются новые факты и так меняют ситуацию, что изначальная проблема исчезает. – Она встала, собрала свои вещи и направилась к двери. – До завтра.

На следующее утро Ники нарочно появилась ровно в семь часов – ни минутой раньше, ни минутой позже. Она уже успела понять, что пунктуальность очень важна, если имеешь дело с шерифом Оливером.

Трейс встретил девушку на пороге, на сей раз – полностью одетый, взял ее чемодан и занес в дом.

– Кармайкл еще спит, – сообщил он. – А меня вызывают, так что я должен ехать. – Он забрал ключи из вазочки на стойке и направился к двери.

Ох, как ему идет форма! И носит он ее так, что зеленые брюки и рубашка цвета хаки с короткими рукавами выглядят невероятно сексуально.

– Я покажу вам ваше жилище вечером, – бросил он на ходу.

– Подождите! – Ники шагнула вперед и загородила ему дорогу. – А как насчет времени, которое вы проведете с Кармайклом?

– Когда я вернусь. – Трейс обошел ее. – И еще постараюсь заехать среди дня. На всякий случай я оставил свой номер телефона.

Дверь за ним закрылась, и Ники осталась одна в притихшем доме. Все произошло совсем не так, как она ожидала.

Вечером Ники пошла со стройным широкоплечим Трейсом Оливером в гараж за домом. Шериф был вежлив, но холоден. Микки спал, и он решил показать няне ее жилище. Она посматривала на его медальный профиль и ждала момента, когда можно будет поговорить с ним. Ей хватило времени составить план действий. Конечно, лучше бы Трейс был в хорошем настроении, но если нет – что ж, она готова к сражению. У Микки есть потребности, и она намерена добиться того, чтобы они удовлетворялись.

– Вот ваши комнаты. – Трейс распахнул дверь бывшего гаража.

Высоко подняв голову, Ники проследовала мимо него, вдохнув запах мыла, ментола и мужчины – умопомрачительное сочетание, вполне достаточное для того, чтобы отвлечь ее от всего на свете. Однако он бросил ее чемодан у порога и входить явно не собирался. Она, пожав плечами, вошла внутрь.

Гараж был переделан в жилье. Просторное помещение включало кухню в дальнем правом углу, ванную в левом углу и большой встроенный шкаф между ними. Мебель, как и в доме, была современной, простой, в темно-серых и синих тонах.

Весьма похоже на безликий и не очень уютный номер в отеле. Не важно. Ники необходимо уехать из дома сестры. Появление тут ее вещей озарит это жилище, придаст ему тепла.

Ники сделала еще несколько шагов вглубь комнаты и увидела свое отражение во вделанном в дверцу шкафа зеркале. Чтобы подчеркнуть официальный характер их отношений, на котором Трейс неоднократно настаивал, она надела узкую черную юбку, доходившую почти до колен, и черный жакет. Для собственного же удовольствия она добавила белую кофточку с оборками у воротника. Черные босоножки дополняли костюм.

Увидев в зеркале, что Трейс стоит позади нее, Ники почувствовала что-то вроде укола. Он выглядел так же хорошо, как утром, даже лучше. Он устал и, казалось, был более доступным.

Не желая быть пойманной на том, что рассматривает его, девушка быстро переключила свое внимание на помещение как таковое.

– Здесь очень мило. А есть у вас дрова для камина?

О господи! Как будто ей нужен камин в конце июня!

– В сарае. Но вы, вероятно, уедете отсюда раньше, чем они понадобятся.

– Что вы имеете в виду? – Ники не смогла скрыть обиду. – Кстати, я выполняю правила. – Она указала на свой черно-белый наряд.

Трейс окинул ее долгим изучающим взглядом.

– Все правильно. Но мы оба знаем, что это временная ситуация.

– Почему вы так говорите? Уверяю вас, я искренне привязалась к Микки и пробуду с ним, пока... – Она резко замолчала.

Ники не могла сказать Трейсу, что собирается оставаться до тех пор, пока отец и сын не полюбят друг друга. Она прекрасно понимала, что он относится к ее вмешательству как кот к купанию: отчаянное сопротивление и никакой благодарности за все усилия. Сейчас он смирился с ее присутствием только потому, что Микки потянулся к няне. Вот это она и должна использовать.

– Пока что, мисс Родес? Пока Микки не пойдет в школу? Не сможет оставаться дома один? Не научится водить машину? Вы не проживете здесь и до конца года, какие уж тут «пока».

Она поставила свой чемодан у стены, села в мягкое серое кресло и спросила:

– Почему вы наняли меня, если уже сейчас готовы вытолкать за дверь?

Ники удивилась, когда Трейс вдруг отбросил свой командирский тон и сел напротив нее.

– Вы педагог, а не нянька. И вернетесь к работе при первой же возможности. Мне совершенно ясно из ваших слов, что вы любите это дело. Я вижу, что вы заботитесь о Кармайкле. Более того, вы нравитесь ему. Но не будем себя обманывать: у вас страсть во все вмешиваться, мисс Родес, и ничего с этим не поделаешь. А я терпеть не могу, когда мной командуют. У меня очень тяжелая работа. Я должен знать, что моего сына воспитывают согласно моим инструкциям, и спокойно отдыхать, когда прихожу домой.

Что ж, ей знаком этот тезис – «покой в собственном доме». Ее мать всегда на этом настаивала. Ники же считала, что мама немного ошибается. В доме необходимы любовь и радость, да и смех – не слишком тихое удовольствие.

Что касается вмешательства, Трейс прав. Но у него большие эмоциональные проблемы. Она собирается помочь ему и Микки обрести друг друга. И если он хочет, чтобы она заявила о своей цели прямо, так и будет.

– Я предпочитаю считать это заботой о людях. – Взволнованная, Ники подалась вперед. – Я забочусь о Кармайкле. А вы даже не зашли провести сына сегодня вечером. Так что, извините, я буду вмешиваться. Вы нужны ему. Как заставить вас понять это?

Черные брови Трейса сошлись на переносице.

– Вы забываетесь.

– Сами виноваты. – Ники не обратила внимания на его раздражение. – Вы наняли меня, чтобы я ухаживала за малышом. Для меня это не означает просто менять подгузники и греть бутылочки. Его эмоциональное здоровье так же важно, как и физическое. Почему вы боитесь эмоций?

Он удивил ее немедленным ответом:

– Я не боюсь эмоций, мисс Родес. Просто это не для меня.

Ники заморгала от неожиданности. Как грустно! Полное отсутствие каких-либо чувств на лице Трейса убедило ее, что он так и думает.

– И вам проще отступить, чем попробовать? – предположила она.

– Я пробовал. – По его лицу пробежала тень боли. – Потому и знаю, что это не для меня.

Она видела, что ему тяжело. Но надо его заставить. Ради Микки, ради него самого.

– Ну, так что ж? Пора попробовать еще раз. Могу я быть с вами откровенной? Микки отстает от своих сверстников. Знаете, я специально изучала развитие детей в раннем возрасте. Мальчик отстает в развитии речи, хождения, моторики.

Его глаза сузились, стали как щелочки.

– Вы хотите сказать, что мой сын – тупица?

– Нет. Микки – умница, он быстро схватывает все новое. Но он почти не встает на ножки, не пытается ходить и постоянно просится на руки.

– Бабушка слишком баловала его, – медленно проговорил Трейс. Было ясно, что он напряженно размышляет. – Когда бы я ни зашел, он всегда был у нее на руках. Я считал, это потому, что она боится, будто я заберу его у нее. И ничего не говорил ей.

– Грустно, не так ли? – спросила Ники с выражением искреннего сочувствия на лице. – Она потеряла дочь. У нее остался только внук. И она держалась за него изо всех сил. А в результате, вместо того чтобы стимулировать, затормозила его развитие.

– Держалась так крепко, что, возможно, нанесла непоправимый вред его будущему. Это не грустно, а гнусно. И я позволил такому случиться!

– Вряд ли стоит теперь винить кого-либо, – заверила его Ники. – Важно то, что вы будете делать дальше. Вы нужны сыну. Мы говорили о том, что необходимо каждый день хоть немного времени проводить с ним. Когда для вас удобнее всего?

– Я уже объяснял, что сам не знаю, что меня ждет через минуту. Я стараюсь соблюдать расписание, но меня в любой момент могут куда-то вызвать. Я не в силах назвать определенный час.

– Ну, – вздохнула Ники, отказываясь понимать Трейса, – вы просто прячетесь в кусты.

– Осторожнее, мисс Родес! – Его щеки густо покраснели, изумрудные глаза яростно засверкали.

– Хорошие родители находят время для своих детей.

– Я знаю, но...

– Никаких но. У всех есть дела. Мы просто будем работать в этом направлении, пока не найдем выход. И начнем с завтрака. Что вы думаете о беконе и яйцах?

Трейс покачал головой:

– Обычно я перекусываю чем-нибудь в участке.

Теперь он просто упрявился.

– Хорошо. Значит, вы сможете полностью сосредоточиться на Микки. А пока будете его кормить, сами выпьете чашку кофе.

– Я ваш наниматель, мисс Родес. И правила устанавливаю я.

– Да, я заметила, что правила – ваша стихия. Вы верите только в дисциплину под контролем, правда? Значит, сможете оценить, какую пользу вашему сыну принесет регулярное ежедневное общение с отцом.

Трейс скривил губы, но Ники видела, что он обдумывает ее слова. Хорошо. Она встала.

– Спасибо, что показали мне мои комнаты. Я бы хотела сейчас устроиться, но надеюсь увидеть вас на следующее утро в семь часов. Я приготовлю завтрак.

* * *

Однако утром Трейс опять сбежал от нее. Войдя в дом, Ники увидела, что он, уже по дороге к двери, затягивает свой ремень с кобурой.

Трейс кивнул на детский монитор:

– Кармайкл еще спит, но, вероятно, скоро проснется. Он спал всю ночь – в первый раз с тех пор, как мы сюда переехали. А я должен идти.

Она уперла руки в бока:

– А наше свидание?

Он словно разрезал ее зеленым лазером взгляда, и девушка внутренне содрогнулась, поняв, как неудачно выразилась. Это слово, видимо, только усилило его раздражение.

– Наша договоренность подождет до завтра. Мэр пригласил меня на деловой завтрак. По-вашему, я должен отказать мэру, сославшись на необходимость накормить завтраком сына?

– Вы говорите так, будто кормление сынишки для вас дело второстепенное. – Идя к столу за детским монитором, она сердито посмотрела на него. – Хотя бы догадались предложить мэру другое время?

– Нет. – Трейс пожал плечами. – Мы часто встречаемся за завтраком. Мы – занятые люди, и нам проще проводить наши собрания как можно раньше.

– Это было хорошо, пока вы были сам себе хозяин. Но теперь у вас есть сын, которому требуется внимание.

– Он получит его завтра. – Трейс схватил ключи и бросился к двери. – И не пытайтесь вмешиваться в мою работу, мисс Родес. Последствия вам не понравятся.

Ники буквально вскипела, когда он захлопнул дверь у нее перед носом. Придя на кухню, она сорвала злость на невинных кастрюлях и сковородках.

– О боже! Подождите! – Она подбежала к выходу, надеясь поймать Трейса, прежде чем он уедет, но, выйдя на порог, увидела только, как его машина исчезает в глубине улицы. – Черт!

Этот упрямец так разозлил ее вчера вечером и сегодня утром, что она забыла спросить, где искать детское автомобильное креслице. Видимо, у Трейса в машине, потому что ни в доме, ни в гараже его нет. Как нет ни манежа, ни ходунков, ни коляски. Из всех детских вещей – только столик для пеленания и высокий стульчик.

Ему придется забрать все, что нужно Микки, из дома тестя или купить, иначе они с малышом будут просто заперты в четырех стенах. Вернувшись на кухню, девушка хмуро осмотрела припасы. Продукты тоже на исходе. И Ники стала строить планы на вечер. В округе есть несколько круглосуточных магазинов. И они с Трейсом окажутся в одном из них еще до наступления ночи.

Глава 4

Когда Трейс в семь вечера вернулся домой, Ники уже была готова к поездке. Она сидела одна в столовой, перед ней стояли сумка и маленький контейнер с едой. Расс, временная нянька, играл с Микки в его комнате.

Ники обеспечила обед и присмотр за малышом, чтобы у Трейса не осталось ни малейшего предлога избежать похода в магазин. Микки – славный ласковый мальчик, но он ждет, что его постоянно будут таскать на руках, поэтому Ники буквально ничего не может делать. А без автомобильного креслица она еще и привязана к дому.

Возможно, гнать Трейса в магазин после двенадцатичасового рабочего дня некрасиво, но не менее некрасиво считать, что она может ухаживать за малышом без необходимого «снаряжения».

Трейс прошел от двери к вазочке – положить ключи. Оглянулся, заметил девушку.

– Что происходит? Вы куда-то собрались? Извините, я задержался. – Он растерянно потер затылок. – Время просто исчезает куда-то. А что Кармайкл? Спит?

– Нет. Я попросила Расса присмотреть за ним сегодня вечером. А мы с вами поедем в магазин.

Трейс нахмурился:

– Не сегодня. Я устал и голоден. Отложим до завтра.

– Нет, сегодня, – решительно возразила Ники. – Я здесь только два дня, но уже научилась не доверять вашему «завтра».

Его лицо потемнело.

– Мне кажется, я ясно дал вам понять, что не люблю, когда мной манипулируют.

– Тогда не провоцируйте меня. – Ники зачитала список необходимых Кармайклу вещей, потом погладила контейнер. – Вот здесь ваш обед. Поверьте, я бы не стала заставлять вас ехать куда-то, если бы могла должным образом ухаживать за Кармайклом без этих вещей. Я тоже устала, но мы должны купить все уже сегодня. Как вы сумели привезти Кармайкла домой без автомобильного креслица?

Трейс смутился:

– Креслице было, но слишком маленькое. И я отвез его в участок, чтобы оно было под рукой, на всякий случай. – Он вздохнул. – Есть у меня время принять душ и переодеться?

Ники облегченно вздохнула и улыбнулась:

– Если поторопитесь.

– Вам нужен переносной манеж? Или подойдет складная кроватка? – поинтересовался Трейс.

Они стояли в детском отделе супермаркета.

– А тут есть переносные манежи? – Ники отступила, чтобы лучше рассмотреть содержимое полок. – Где? Каких размеров?

– Здесь я их не вижу. Но у одного моего приятеля есть такой манеж. Я могу узнать, где он его достал, и заказать.

Ники оглядела две тележки, полные детских вещей. Целое состояние!

– Конечно, мы не обязаны закупить все сразу. Я не подумала о затратах.

– Позвольте мне думать о них. – Его гордость была задета, и ответ прозвучал немного ехидно: – По мне, лучше разделаться со всем этим сегодня. Я могу позволить себе потратиться на все, что необходимо моему сыну.

– Конечно. Я не хотела сказать, что не можете. Спасибо, что приехали сюда сегодня. Мне действительно тяжело приходилось эти два дня. Кармайкл – славный ребенок, но...

– Он хочет, чтобы его все время держали на руках, – закончил за нее Трейс, и их взгляды встретились. То был момент взаимопонимания. – Я знаю.

– Пойдемте в отдел игрушек. Ему нужны занятия, которые привлекли бы его внимание. Расс привез несколько кубиков своей племянницы. Он говорит, что Кармайкл способен часами с ними играть.

– Да? – Трейс почти бросился к игрушечному отделу. – Давайте купим ему кубики.

Ники засмеялась и тут же спросила:

– Когда вы собираетесь забрать остальные его вещи?

– Что вы имеете в виду?

– Его вещи. Для детской комнаты. Твердые и мягкие игрушки, подвески. Разноцветные предметы разной формы, которые стимулируют мозг малыша. Что-то в этом роде.

– Ничего такого не было среди вещей, которые привез мой тесть.

– Так у Мик... Кармайкла ничего нет? Это немного грустно. – Потрясенная и шокированная неожиданным открытием, Ники сказала это не подумав и тут же раскаялась, потому что улыбка сбежала с лица Трейса. И девушка постаралась спасти положение: – Значит, вы сами можете выбрать то, что ему нужно.

– Я? – Он растерялся. – Я не знаю, с чего начать.

– Ну, это просто. Что было в вашей собственной детской?

– Вот кубики. – Трейс подошел к полке и стал демонстративно изучать надписи на коробках. Потом заговорил: – В моей комнате было то же, что у Кармайкла. Только вместо колыбельки стояла кровать.

– Ох, Трейс, – прошептала Ники. – Вы разбиваете мне сердце.

Он посмотрел на нее, и его глаза потеплели.

– Не переживайте, – успокоил он девушку. – Человек не скучает по тому, чего у него никогда не было.

Словно притянутая взглядом его изумрудных глаз, она подошла ближе:

– У вас есть возможность дать сынишке то, чего вы сами никогда не имели.

Он кивнул и повернул голову:

– Вы прикоснулись ко мне, мисс Родес.

Действительно, она инстинктивно сжала обеими руками его сильную руку. Ники немедленно отступила назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/karpenter_tereza/eta-nesnosnaya-nyanya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)